

Владимир Стоюнин

**Руководство для
теоретического изучения
литературы**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
В57

В57 **Владимир Стоюнин**
Руководство для теоретического изучения литературы / Владимир Стоюнин –
М.: Книга по Требованию, 2020. – 191 с.

ISBN 978-5-518-10186-9

ISBN 978-5-518-10186-9

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2020

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2020

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

явленіемъ непріятнымъ не можетъ удержать своего отвращенія; отсюда возбуждаются въ немъ радость, грусть, любовь, ненависть и другія чувства, что свидѣтельствуешь объ его чувствительности, т. е. сильной способности сердца принимать впечатлѣнія и ставить человѣка въ извѣстныя отношенія ко всему окружающему. Иной способенъ легко соединять въ одно цѣлое части, разрозненные въ дѣйствительности, чтобы представить общую мысль, или сближать разные явленія, чтобы объяснить себѣ причину того или другаго. Значить, здѣсь сильно дѣйствуетъ фантазія — творческая способность. Но въ то же время человѣкъ съ умомъ или съ воображеніемъ можетъ быть недѣятельнымъ, т. е. не имѣть желанія переводить свои мысли въ дѣйствительность, превращать ихъ въ дѣло. Это указываетъ на недостатокъ въ немъ *воли*. Всѣ эти способности въ иномъ человѣкѣ могутъ развиваться и вмѣстѣ въ значительной степени, что уже представляетъ натуру талантливую или гениальную. Преобладаніе той или другой силы сообщаетъ и дѣятельности человѣка особенный характеръ.

Дѣйствіе фантазіи. Для поэта особенно важна сила фантазіи, какъ мы увидимъ впоследствии; но дѣйствіе ея выказывается и въ другихъ сферахъ жизни. Такъ напр. при ея участіи создается мифологія у народовъ первоначальныхъ, когда у человѣка являются вопросы о причинахъ разныхъ явленій, а умъ его, за недостаткомъ наблюденій, еще не въ состояніи дѣлать общіе выводы и опредѣлять естественныя причины. Предполагая таинственныя силы, производящія явленія, онъ съ помощью фантазіи представляетъ дѣйствительныя существа, которымъ могутъ принадлежать эти силы. Является опредѣленный образъ, который и обращается въ божество, такъ какъ человѣкъ признаетъ за нимъ страшную силу, способную сразу подавить его. Здѣсь изъ дѣйствительности взяты только силы природы; все же прочее дополнено фантазіей при дѣйствіи ума, стремящагося всему найти причины. Точно такъ же участвуетъ фантазія и въ народныхъ суевѣріяхъ или предразсудкахъ, указывая на причины не только факта совершившагося, но и будущаго событія, котораго нужно ожидать, какъ слѣдствія. Созданія народной фантазіи нерѣдко переходятъ и къ поэтамъ, соединяясь

съ какой либо идеей или особымъ его намѣреніемъ. Такъ Пушкинъ, желая представить сильное впечатлѣніе, какое производить на русскаго человѣка мятель, выражаетъ всѣ признаки ея въ образѣ бѣса, какъ онъ созданъ въ народной фантазіи, и потомъ уже для большаго соотвѣтствія съ дѣйствіемъ мятели раздробляетъ этотъ образъ въ своей собственной фантазіи на множество другихъ, составляющихъ цѣлые рои. Онъ же беретъ изъ классической мифологіи образъ Аполлона, которому поэтъ съ лирою въ рукѣ приноситъ жертву; цѣль его была представить поэта подъ вліяніемъ вдохновенія. Созданія фантазіи много зависятъ какъ отъ понятій, какія составилъ себѣ человѣкъ о природѣ и жизни, такъ и отъ настроенія чувства. Лермантовъ, представляя увидшею пальму, на которой росла извѣстная вѣтка, предполагаетъ и причину ея увиданія: въ разлукѣ безотрадной. Чувство религиозное настроило и его фантазію на сближеніе отдѣльной вѣтки съ тою странною, которая имѣетъ для христіанъ религиозное значеніе.

Словесное выраженіе. Вся эта внутренняя или духовная дѣятельность человѣка, одареннаго отъ природы извѣстными силами, должна найти въ словѣ, въ языкѣ и такія выраженія, чтобы въ нихъ вполне опредѣлиться. Слѣдственно слово должно быть способно не только излагать мысль, но и рисовать картину или образъ и передавать чувства. Отсюда понятно, что при различномъ настроеніи духа и при участіи различныхъ силъ каждый человѣкъ будетъ находить и особія выраженія, не похожія на выраженія другаго, хотя бы у нихъ шла рѣчь объ одномъ и томъ же предметѣ. Такъ всѣ мысли о Палестинѣ, высказанныя Лермантовымъ, я могу выразить и въ такихъ словахъ :

Мѣстность Палестины холмистая, климатъ знойный; черезъ нея протекаетъ Іорданъ; передъ нею возвышаются Ливанскія горы, покрытыя лѣсомъ; жители ея бѣдны и питаются отъ богомольцевъ; но они религиозны и помнятъ свою славную старину. Путешественники очень цѣнятъ въ этихъ мѣстахъ пальму, которая бросаетъ широкую тѣнь и даетъ имъ убѣжище отъ зноя; но случается, что и она дѣлается его жертвою, высыхаетъ и покрывается стению пылью. Изъ Пале-

стины богомольцы приносятъ съ собою пальмовыя вѣтви, съ которыми стояли при богослуженіи: туда привлекаетъ ихъ чувство религіозное; между ними есть люди праведные и грѣшныя.

Въ этой рѣчи мысли тѣ же самыя; но состояніе духа, при какомъ онѣ излагались, совсѣмъ не то: здѣсь только передаются мои мысли и выводы о Палестинѣ, но не видно, чтобы при этомъ во мнѣ было возбуждено воображеніе, или дѣйствовала фантазія, или стремилось бы высказаться чувство. Отсюда мнѣ и не нужно было ни тѣхъ картинъ, ни тѣхъ образовъ и разныхъ сближеній, ни даже тѣхъ словъ. Отсюда же и впечатлѣніе отъ моей рѣчи совсѣмъ не то, какое остается отъ рѣчи Лермантова. Представимъ еще въ примѣръ изображенія одного и того же предмета, сдѣланныя нѣсколькими поэтами. Державинъ, Пушкинъ и Кольцовъ, рисуя суровую зиму, употребили одинъ и тотъ же приѣмъ — *олицетвореніе*, т. е. представляли неодушевленный предметъ въ живомъ лицѣ; а между тѣмъ въ каждомъ выражается особое настроеніе:

У Державина: Идетъ сѣдая чародѣйка,
Косматымъ машетъ рукавомъ
И снѣгъ, и градъ, и иней сыплеть
И воды претворяетъ въ льды.

У Пушкина: Когда могучая зима,
Какъ бодрый вожь, ведетъ сама
На насъ косматыя дружины
Своихъ морозовъ и снѣговъ,
На встрѣчу ей трещать каминь
И веселъ зимній жаръ пировъ.

У Кольцова: Вѣдь ужъ осень на дворѣ
Черезъ прясло глядитъ,
Въ слѣдъ за нею зима
Въ теплой шубѣ идетъ,
Путь снѣжкомъ порошокъ,
Подъ санями хруститъ.

Изображеніе Державина мы назовемъ *гиперболическимъ*, т. е. въ размѣрахъ громадныхъ, выходящихъ изъ предѣловъ дѣйствительности. То же самое видимъ и въ другомъ его описаніи зимы, въ одѣ «На рожденіе порфиророднаго отрока»:

Съ бѣлыми Борей власами
И съ сѣдою бородой и пр. (хр. Гал.)

Справляясь съ другими его картинами, находимъ, что и тамъ *гипербола* преобладаетъ; значить, такое ужъ было постоянно настроеніе его духа. Изображеніе Пушкина не выходитъ изъ сферы дѣйствительнаго міра, потому что только она привлекала всегда его вниманіе. Кольцовъ же, вращаясь въ сферѣ русской просто-народной жизни, остался вѣренъ себѣ и въ изображеніи зимы.

Слогъ. Отъ такого настроенія духа зависитъ и характеръ нашего выраженія, что составляетъ *слогъ* (стиль), который проявляется въ выборѣ словъ, въ ихъ сочетаніи и расположеніи, въ представленіи картинъ и образовъ, въ передачѣ чувства. Такъ Лермантовъ въ своемъ воображеніи до того оживилъ *вѣтку*, что обратился къ ней съ вопросами, какъ къ живому существу, которое можетъ слышать и отвѣчать, хотя въ обыкновенномъ спокойномъ состояніи духа никто бы не подумалъ забрасывать вопросами бездушное существо. Вся первая часть его стихотворенія состоитъ изъ вопросовъ, въ которыхъ и рисуется передъ нами Палестина съ разныхъ сторонъ.

Обращая вниманіе на выборъ словъ, замѣчаемъ, что у него при названіяхъ общихъ часто стоятъ слова, выражающія признакъ отдѣльнаго предмета, что и служитъ живому его изображенію. Другими словами, поэтъ любитъ рисовать предметы *эпитетами* напр. воды Иордана названы *чистыми*, молитва *тихою*, сыны Солима — *бѣдными*, глава пальмы *широколиственной*, разлука — *безотрадною* и пр. Или вмѣсто слова, выражающаго предметъ, употребляется одно или нѣсколько словъ, указывающихъ на его главные признаки, т. е. берутся выраженія *описательныя* — вм. солнца — *лучъ востока*, вмѣсто христіанина — *воинъ божьей рати*, или черезъ сближеніе разныхъ явленій употребляются слова въ переносномъ смыслѣ, иначе *метафорически*, напр. востока лучъ *ласкалъ*, вѣтръ *сердито* колыхалъ, пальма *манитъ* прохожаго широколиственной *главой*, прахъ ложится *жадно, набожной* рукою, съ *безоблачнымъ* челомъ и др. Нельзя не замѣтить, что все это живо рисуетъ передъ нами предметы и цѣлыя картины, передавая въ то же время и впечатлѣнія отъ нихъ. Съ этою же цѣлью избѣгаются глаголы,

выражающіе общее дѣйствіе; а вмѣсто нихъ употребляются слова, въ которыхъ представляются разные его моменты: напр. *грусть* и *слезы* вмѣсто раскаянія: «Грустил онъ часто надъ тобою» и пр.

Слова. Въ языкѣ большая часть словъ представляетъ названія, общія, т. е. одно слово выражаетъ всѣ сходные предметы или дѣйствія, хотя у каждаго изъ нихъ есть свои отдѣльныя особенности; такъ напр. слово *человѣкъ* выражаетъ всѣхъ людей, слово *читать* выражаетъ всякое чтеніе каждаго чловѣка. Эти слова мнѣ даютъ *понятіе* о предметѣ или дѣйстви, т. е. съ каждымъ словомъ я себѣ представляю извѣстные признаки или извѣстное движеніе или состояніе. Когда мнѣ какой-либо предметъ назовутъ *столомъ*, то, можетъ быть, я и не представлю ясно видъ его, но по крайней мѣрѣ съ нимъ я соединю признаки, какіе можно найти во всѣхъ столахъ и чѣмъ больше будетъ такихъ признаковъ, тѣмъ видъ предмета мнѣ дѣлается яснѣе. Если тотъ же самый предметъ мнѣ назовутъ не *столомъ*, а *вещью*, то съ нимъ я могу соединить уже менѣе признаковъ, такъ какъ вещами называется много другихъ предметовъ, кромѣ столовъ, слѣд. съ общимъ ихъ названіемъ будетъ соединяться менѣе общихъ признаковъ. Еще менѣе признаковъ представится мнѣ, если тотъ же столъ назовутъ просто предметомъ. Тогда мнѣ будетъ даже трудно представить какой-либо внѣшній видъ этого предмета за совершеннымъ недостаткомъ признаковъ. Изъ этого видно, что къ одному и тому же предмету можетъ относиться нѣсколько общихъ названій: *дубъ* можетъ быть названъ и *деревомъ*, и *растеніемъ*, и *органическимъ существомъ*, и *предметомъ*, и *существомъ*. Но не каждое изъ этихъ названій одинаково ясно мнѣ представитъ видъ или форму дуба. Чѣмъ къ большему числу предметовъ относится названіе, тѣмъ менѣе признаковъ представляетъ оно и за то тѣмъ труднѣе намъ вообразить его форму. Такія общія названія или слова, которыя даютъ нѣкоторое понятіе о предметѣ, но не могутъ изобразить его формы, называются *отвлеченными* или *абстрактными*. Степень ихъ отвлеченности не одинакова; они тѣмъ отвлеченнѣе, чѣмъ менѣе представляютъ признаковъ, такъ *растеніе* отвлеченнѣе *дерева*, *существо* отвлеченнѣе *растенія*. Согласно

съ этимъ опредѣленіемъ и названія разныхъ качествъ, свойствъ, не представляющія никакого образа, могутъ также назваться отвлеченными, напр. *близна, красота, злость, доброта* и др. Отсюда и самыя выраженія, составленныя изъ отвлеченныхъ словъ, называются *отвлеченными*, напр. «вещество ограничено пространствомъ и временемъ». Такія выраженія всегда представляютъ выводы изъ наблюденій надъ многими явленіями, слѣд. подобно отвлеченнымъ словамъ заключаютъ нѣчто обобщенное.

Въ языкѣ есть также слова, которыя называются именами собственными и которыя имѣютъ въ виду всегда обозначить только извѣстный предметъ въ дѣйствительности, напр. *Иорданъ, Иерусалимъ, Александръ*. Цель ихъ только указать на предметъ, чтобъ выдѣлить его изъ круга всѣхъ другихъ сходныхъ предметовъ, имѣющихъ общее названіе, такимъ образомъ всѣ рѣки, земли, города, люди, народы получили свои особыя названія; но нельзя сказать, что каждый предметъ кромѣ общаго названія имѣетъ еще свое особенное, хотя у каждаго непременно есть свои особые признаки, такъ деревья, вещи существуютъ безъ собственныхъ именъ. Въ такомъ случаѣ, чтобы указать на предметъ или выдѣлить его изъ круга сходныхъ предметовъ, мы употребляемъ мѣстоименіе, которое здѣсь замѣняетъ имя собственное: этотъ дубъ, та вещь. Изъ этого видно, что имя собственное подобно мѣстоименію не даетъ намъ никакого понятія о предметѣ, т. е. не заключаетъ въ себѣ никакихъ признаковъ, слѣд. менѣе чѣмъ отвлеченное названіе можетъ передать мнѣ видъ предмета или нарисовать его образъ. А между тѣмъ въ дѣйствительности каждый предметъ отличается отъ всѣхъ другихъ своими признаками. Со всѣми ими вмѣстѣ онъ называется *конкретомъ* въ противоположность его общему названію, которое представляетъ *абстрактъ*. Если мы хотимъ познакомиться съ предметомъ какъ съ конкретомъ, т. е. составить себѣ ясное его *представленіе*, то разсматриваемъ его со всѣхъ сторонъ, пока не замѣтимъ всѣхъ его признаковъ и тогда въ состояніи бываемъ живо представить его, хотя бы были даже далеко отъ него. Отсюда понятно, какимъ образомъ можно рисовать предметы словомъ. Общія названія передаютъ общіе при-

знаки предмета, тѣ же, которыми предметъ привлекаетъ особенное вниманіе, какъ признаки отличительные, выражаются добавочными словами, которыя и составляютъ какъ бы краски языка. Но здѣсь необходимо соблюдать большую *умѣренность*: указывать только на такіе признаки, которые дѣйствительно произвели впечатлѣніе и опредѣлили предметъ; только тогда онъ можетъ намъ представиться въ живомъ образѣ. А еслибы намъ вздумали исчислять при каждомъ названіи всѣ признаки, даже и такіе, которые заключаются въ самомъ названіи, то наше воображеніе утомилось бы такими подробностями и было бы не въ состояніи представить цѣлый образъ. Здѣсь вся сила не въ обиліи словъ, а въ ясности образа, которая зависитъ отъ ясности впечатлѣній. Лермантовъ и Пушкинъ въ этомъ случаѣ могутъ служить образцами.

Метафоры и сравненія. Каждый отдѣльный предметъ или явленіе часто опредѣляется *сходствомъ* съ другимъ извѣстнымъ предметомъ или явленіемъ. Это сходство мы находимъ вслѣдствіе одинакихъ впечатлѣній отъ разныхъ предметовъ: впечатлѣніе отъ настоящаго явленія напоминаетъ впечатлѣніе отъ какого либо явленія прежняго и отсюда происходитъ между ними сближеніе, которое мы и выражаемъ въ *метафорахъ и сравненіяхъ*. Такъ Лермантовъ назвалъ вѣтку *вѣрнымъ часовымъ святымъ*, хотя повидимому между тѣмъ и другимъ предметомъ нѣтъ ничего общаго. А между тѣмъ у него было основаніе для сближенія: вѣтка, постоянно находящаяся при святынѣ, напомнила ему часового, не отходящаго отъ вѣреннаго ему сокровища. Такъ какъ сближенія предметовъ и явленій зависятъ отъ разнообразныхъ впечатлѣній, испытанныхъ въ жизни, то очень понятно, что ихъ можетъ быть весьма много; у каждаго человѣка свои особенныя, и чѣмъ онъ впечатлительнѣе, чѣмъ сильнѣе его воображеніе, тѣмъ ихъ болѣе и тѣмъ они оригинальнѣе. Все это зависитъ уже отъ самой натуры человѣка и слѣд. характеризуетъ его слогъ. Само собою разумѣется, что сближенія насильственные, придуманныя, искусственныя, не вытекающія изъ естественнаго сходства впечатлѣній, не могутъ намъ представить ни одной живой черты, которая бы опредѣлила предметъ: такія сближенія намъ не могутъ и нравиться.

Эти недостатки вытекають изъ ложнаго понятія объ украшеніи слога, такъ какъ живопись считается его красотою. Но красота здѣсь заключается не въ обилии эпитетовъ, метафоръ и сравненій, а въ вѣрномъ и живомъ изображеніи предметовъ и впечатлѣній. Только такой слогъ и можетъ назваться *художественнымъ*.

Ясность выраженія. Но въ духовной нашей дѣятельности не всегда возникаютъ образы, картины и чувства; часто мы стараемся только о томъ, чтобы сдѣлать общіе выводы или заключеніе о многихъ явленіяхъ и предметахъ; тогда мы довольствуемся только общими названіями, отчего и слогъ нашъ отличается большею или меньшею *отвлеченностью*. Его поэтому называютъ или *отвлеченнымъ* слогомъ, или *простымъ*, или *ученымъ*. Здѣсь мы стараемся только о томъ, чтобы выразиться какъ можно яснѣе, т. е. чтобы другіе поняли наши мысли совершенно такъ, какъ мы сами понимаемъ ихъ. Заботясь объ ясности выраженія, конечно мы должны имѣть въ виду, что она зависитъ отъ *чистоты* языка, *правильности* его и *точности*. Чистота относится къ *этимологической* сторонѣ языка. Не чистымъ языкомъ называютъ такой, въ которомъ много словъ *иностранныхъ*, непонятныхъ большинству, или словъ и формъ устарѣлыхъ (т. е. *архаизмовъ*), которыя могутъ затруднить отвыкшихъ отъ нихъ, или словъ новыхъ (*неологизмовъ*), значеніе которыхъ не сразу можно угадать. Правильность относится къ *синтаксической* сторонѣ языка. Неправильнымъ языкомъ называютъ такой, въ которомъ выраженія составлены не по законамъ этого языка. По большей части неправильность здѣсь происходитъ отъ вліянія иностранныхъ языковъ, т. е. переводятъ выраженія слово въ слово, напр. не знаю, *если* онъ придетъ (съ франц.) вм. придетъ ли онъ, окна *даютъ* на улицу (съ франц.), вм. выходятъ, выдаются; слышу *его пѣть* (съ фр.), вм. что онъ поетъ. Такія несвойственныя языку выраженія называются *варваризмами*; обыкновенно же имъ придаются названія самыхъ языковъ, съ которыхъ они переведены: латинизмы, грецизмы, славянизмы, германизмы, британизмы, галлицизмы (съ франц.). Послѣдніе чаще всего слышатся въ нашемъ языкѣ.

Точность составляетъ собственно *стилистическую* сторону

языка. Она касается выбора словъ , которыя бы вполне выражали понятія , какія я хочу передать. Не точнымъ языкъ называютъ такой, въ которомъ есть *двусмысліе*, т. е. можно понять мысль и такъ и иначе. Неточности часто происходятъ отъ незнанія кореннаго значенія словъ, отъ невнимательной ихъ разстановки, отъ неосторожнаго употребленія мѣстоименій.

Предложеніе и періодъ. Выводъ или заключеніе вытекаетъ всегда изъ *соображеній*, которыя отличаются отъ простыхъ *сужденій* и выражаются въ особой формѣ. Сужденіе указываетъ на признакъ, существующій или не существующій въ предметѣ въ данный моментъ: *погода хороша — не хороша, — онъ будетъ гулять*. Форма сужденія есть *предложеніе*. Предметъ сужденія выражается въ *подлежащемъ*, признакъ въ *сказуемомъ*, моментъ въ *связкѣ* или въ окончаніи глагола. Такъ какъ мы можемъ судить объ одномъ предметѣ, и о нѣсколькихъ, и о всѣхъ сходныхъ или однородныхъ, то отсюда и сужденія бываютъ *единичныя* (ваша книга прочитана), *частныя* (иныя книги очень полезны) и *общія* (книги скорѣе печатаются, чѣмъ пишутся). Точно также мы или прямо признаемъ признакъ въ предметѣ, или связываемъ его возможность съ известнымъ условіемъ, или предполагаемъ одинъ изъ многихъ при одномъ предметѣ, или наконецъ одинъ признакъ при одномъ изъ многихъ предметовъ, отсюда и сужденія бываютъ *безусловныя* (или категорическія), *условныя* и *раздѣлительныя*. Первые выражаются въ одномъ простомъ предложеніи (погода была хороша), вторыя — въ двухъ предложеніяхъ, изъ которыхъ одно выражаетъ условіе (мы пойдемъ гулять, если будетъ хорошая погода), третья — въ такомъ предложеніи, въ которомъ подлежація или сказуемая соединены союзомъ *или* (погода будетъ или вѣтряная или дождливая, или вы или я должны уйти). Предложенія слитныя и сложныя выражаютъ, что нѣсколько сужденій соединились, имѣя что нибудь общее, или предметъ сужденія или признакъ.

Соображеніе состоитъ въ сведеніи нѣсколькихъ обстоятельствъ, изъ которыхъ мы дѣлаемъ выводъ, принимая его за истину. Напр. я знаю, что дурная погода вредно дѣйствуетъ на здоровье, знаю, что его можно предохранить отъ вліянія

дурной погоды теплымъ платьемъ, знаю, что въ настоящей моментъ погода дурная; изъ всего этого дѣлаю выводъ: мнѣ нужно одѣться теплѣе; чтобы выдти изъ дому; руководствуюсь этимъ выводомъ, и поступать согласно съ нимъ считаю *благоразуміемъ*. Или узнавъ, что нѣсколько отдѣльныхъ сходныхъ фактовъ сопровождались одними и тѣми же послѣдствіями, заключаю, что и всѣ подобные факты при тѣхъ же обстоятельствахъ будутъ сопровождаться тѣми же послѣдствіями. Такъ зная, что нѣсколько людей погибло отъ вдыханія углероднаго газа, я заключаю, что онъ вообще дѣйствуетъ разрушительно на человѣческой организмъ. Разсматривая всѣ эти соображенія, мы замѣчаемъ, что каждое состоитъ изъ нѣсколькихъ сужденій — общихъ и частныхъ или единичныхъ, слѣд. и выражается въ нѣсколькихъ главныхъ предложеніяхъ; но располагаются они не одинакимъ образомъ; иногда выводъ выражается въ общемъ сужденіи, иногда въ частномъ или единичномъ. Соображеніе о дѣйствіи углерода относится къ первому случаю; соображеніе о погодѣ ко второму. Разница между ними въ томъ, что въ первомъ случаѣ, отъ нѣсколькихъ отдѣльныхъ явленій переходимъ къ заключенію о всѣхъ подобныхъ же, когда бы они ни явились, т. е. признакъ, проявляющійся въ нѣсколькихъ предметахъ, предполагается существующимъ и въ другихъ подобныхъ же; во второмъ же случаѣ происходитъ на оборотъ, отъ общаго дѣлается заключеніе къ отдѣльнымъ предметамъ, т. е. принимается за достовѣрное признакъ во всѣхъ сходныхъ предметахъ и на этомъ основаніи предполагается онъ въ каждомъ изъ нихъ въ отдѣльности. Такія соображенія въ наукѣ называются *умозаключеніемъ*. По первому способу умозаключеніе называется *индуктивнымъ* или *индукціей* (наведеніемъ); по второму — *дедуктивнымъ* или *дедукціей*. Самая обыкновенная и правильная форма дедукціи называется *силлогизмомъ*. Здѣсь необходимы три сужденія; одно изъ нихъ составляетъ предложеніе, которое доказывается, слѣд. заключеніе, и два другія вмѣстѣ доказываютъ его и называются *посылками*: одна — *большая* посылка всегда сужденіе общее, другая — *меньшая* посылка сужденіе частное или единичное. Вотъ примѣръ:

Растеніе не можетъ жить безъ воды (*большая посылка*),